

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия

УДК 930.85; 929.6; 911.7

doi: 10.17223/24099554/19/17

**Фрагменты славянской визуальной имагологии
(Рецензия на книгу: Люди, львы, орлы и куропатки...
Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций
и государств в славянском культурном дискурсе /
ред. кол.: М.В. Лескинен, Е.А. Яблоков. М.:
Институт славяноведения РАН, 2020. 308 с., ил.)**

Дмитрий Кириллович Поляков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vbnz2005@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается коллективный труд, посвященный визуальным – антропоморфным и зооморфным – репрезентациям славянских народов и государств. Рецензируемая книга представляет собой первый опыт комплексного рассмотрения данной проблемы, которая видится перспективной и достойной дальнейшего исследования на более широком внутриславянском и ареальном материале. Отмечаются основные проблемы, возникающие при продолжении сравнительных исследований, посвященных визуальным репрезентациям.

Ключевые слова: визуальная имагология, этнический стереотип, персонификация нации, репрезентация нации, конструирование национальной идентичности

Для цитирования: Поляков Д.К. Фрагменты славянской визуальной имагологии (Рецензия на книгу: Люди, львы, орлы и куропатки... Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе / ред. кол.: М.В. Лескинен, Е.А. Яблоков. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. 308 с., ил.) // Имагология и компаративистика. 2023. № 19. С. 307–317. doi: 10.17223/24099554/19/17

Review

doi: 10.17223/24099554/19/17

Fragments of Slavic visual imagology (Book Review: Leskinen, M.V. & Yablokov, E.A. (eds) (2020) *Lyudi, l'vy, orly i kuropatki... Antropomorfnye i zoomorfnye reprezentatsii natsiy i gosudarstv v slavyanskom kul'turnom diskurse* [People, lions, eagles and partridges ... Anthropomorphic and zoomorphic representations of nations and states in Slavic cultural discourse]. Moscow: Instituty of Slavic Studies, RAS)

Dmitry K. Polyakov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
vbnz2005@yandex.ru*

Abstract. The author of the review considers a collective work dedicated to visual (anthropomorphic and zoomorphic) representations of Slavic nations and states. This is the first experience of a comprehensive consideration of this problem, which seems promising and worthy of further research on a wide intra-Slavic and areal material. The reviewer notes the main problems that arise in further comparative studies on visual representations.

Keywords: visual imagology, ethnic stereotype, personification of nation, representation of nation, construction of national identity

For citation: Polyakov, D.K. (2023) Fragments of Slavic visual imagology (Book Review: Leskinen, M.V. & Yablokov, E.A. (eds) (2020) *Lyudi, l'vy, orly i kuropatki... Antropomorfnye i zoomorfnye reprezentatsii natsiy i gosudarstv v slavyanskom kul'turnom diskurse* [People, lions, eagles and partridges ... Anthropomorphic and zoomorphic representations of nations and states in Slavic cultural discourse]. Moscow: Instituty of Slavic Studies, RAS). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 19. pp. 307–317. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/19/17

Рецензируемый сборник представляет собой материалы конференции «Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе», состоявшейся в Институте славяноведения РАН в сентябре 2019 г., и включает 10 статей, в которых проанализированы различные аспекты этой проблемы. Как указано в аннотации коллективного труда, его основная задача – рассмотреть «историю формирования персонификаций и обобщенных образов народов в ходе конструирования национальных “воображаемых сообществ”» [1. С. 2]. При этом авторы исследовали как «высокие» (Родина-мать, орел, грифон, лев, сокол), так и «низкие» (змея, насекомые) репрезентации «своих» и «чужих».

Изучение этностереотипов, визуальной реализацией которых являются антропоморфные и зооморфные образы, имеет в славистике богатую традицию, но преимущественно на базе языка и письменных текстов: травелогов, эссеистики, учебников. Исключение составляет, пожалуй, плакат (особенно военный [2]), прагматические функции которого легко определимы, а эксплицитное противопоставление Своего и Чужого часто обусловлено самой сутью жанра.

Антропоморфные и зооморфные репрезентации славян при всей яркости не исследованы настолько же хорошо¹, насколько вербальные проявления этностереотипов. Как констатирует соредатор труда М.В. Лескинен, «мало изучено региональное и этнокультурное своеобразие визуальных национально-государственных метафор в разных регионах Европы – особенно в Восточной и Северной, а также на Балканах, – где процесс нациестроительства шел несколько иначе, чем в старых монархиях и империях» [1. С. 28] (см. также подробную библиографию имеющихся работ по теме на с. 29–32).

Рецензируемый сборник хорошо скомпонован, статьи в нем расположены по ареальному и хронологическому принципам. Книга открывается теоретической статьей М.В. Лескинен «Вместо введения:

¹ Но есть, разумеется, и исключения – они касаются прежде всего геральдических животных и некоторых других образов, как, например, *русский медведь* [3] или *Родина-мать* (репрезентации которых в СССР и в современной России были посвящены, например, отдельные номера журнала «Лабиринт» (2013. № 4; 2015. № 4; 2017. № 1). См. также библиографию к статьям рецензируемого сборника.

у истоков антропоморфных и зооморфных репрезентаций наций и государств в европейской культуре», знакомящей читателя с проблематикой реконструкции этнических визуальных (само)характеристик. В статье дается схема функционирования этнонациональных репрезентаций в европейской культуре: к ним обращались прежде всего «на этапе создания и воссоздания/возвращения прежней государственности, в периоды социальных конфликтов и политических преобразований», чтобы представить этнические авто- и гетеростереотипы «в концентрированном и понятном воплощении» [1. С. 7], в оппозиции Своего и Чужого, один из которых идеализируется, а второй – демонизируется. Важно, что в основе таких символов и аллегорий лежали взгляды их создателей, но не стереотипы низовых социальных групп, являющихся скорее воспринимаемыми, чем участвующими в их создании.

В статье проанализированы нарративные традиции народоведческих описаний и визуальных источников, в которых нашли отражение стереотипы этносов и государств в XVI–XVII вв. – например, так называемые доски народов, с одной стороны, и аллегорические изображения природных объектов и народов на ренессансных и барочных картах – с другой. Эти две традиции, по мнению автора, и задали некоторые стандарты для создания обобщающих образов наций и держав XVIII – начала XIX в. Далее освещается литература вопроса, анализируется научный инструментарий, применяемый по отношению к проблеме репрезентаций и, что особенно важно, намечаются проблемные аспекты и перспективы дальнейших исследований. Отдельно М.В. Лескинен останавливается на проблемах изучения визуальных этнорепрезентаций и существующих пробелах в научной литературе. Хотелось бы считать это не только констатацией недостаточного уровня изученности этой темы в славистике, но и «планом» будущих работ по ней.

Обстоятельное введение придает сборнику концептуальный характер, создавая необходимое теоретическое обрамление следующих работ, посвященных конкретным репрезентациям наций; это case studies, в которых анализируется поиск и выбор каждой нацией признаков, в наибольшей степени соответствовавших этническим авто- и гетеростереотипам и затем приобретающих выражение в рамках антропоморфного/зооморфного кодов. Такие репрезентации, как по-

казали авторы сборника, могут создаваться в опоре на средневековые геральдические символы и гербы, такие, например, как белый орел в Польше (Н.М. Филатова), грифон у кашубов (А.В. Семенова), или, напротив, формируются как осознанная альтернатива прежним – так, например, осмысляется образ сокола в чешском национальном движении сокольства начиная с последней трети XIX в. (В.В. Котов).

Н.М. Филатова продемонстрировала обращение к образу белого орла в поэзии Царства Польского начала XIX в. в статье «“Новый Феникс” и “двухголовое страшилище”». О борьбе орлов в польской патриотической поэзии». В это время возникло символическое противопоставление белого «вольного орла» и черного «двуглавого тирании знака» (Ф. Франковский): польский и российский орлы многократно становились персонажами романтической поэзии, а сама их визуальная контрастность (черный vs. белый, одноглавый vs. двуглавый) уже рождала противопоставление, довершаемое в поэтических текстах известными сценариями (лишение белого орла гнезда, схватка орлов, высвобождение белого орла из плена черного и др.). Интересны заключения о том, что пребывание поляков «под знаком белого орла» служило формированию образа Польши в глазах русских, а «орлиная» тема в связи с Польшей возникала в русской поэзии и в 1830-е гг. (Тютчев), и позже (Бальмонт, Брюсов) [1. С. 56–57].

Материал, представленный в статье А.В. Семеновой «Кашубский гриф: от воплощения государственности – к региональной символике», показывает, что малые народы в процессе нациестроительства проходят, хотя и с опозданием, те же стадии «изобретения» визуальных символов, что и соседние большие. В работе представлен ряд поэтических и прозаических текстов, в которых грифон/гриф утверждался как символ всего кашубского, поддерживающий миф о славном прошлом кашубов, их славянской сущности, часто функционируя в текстах вместе с польским белым орлом – в противовес Чужо-му, т.е. немцам. Явления, типичные для национального возрождения и романтизма в культурах, например, чехов, хорватов и других славян, проявились в кашубском пространстве уже в XX в. – вплоть до отдельных художественных средств, например, «говорящих» имен – как *панна Славина* из романа А. Майковского «Жизнь и приключения Рема» (опубл. в 1938).

Сомнения вызывает однозначное соотнесение свойств грифона/грифа как (вос)созданного образа кашубов с их «автопортретом» из языка и фольклора. Приведенные характеристики кашубов, зафиксированные во фразеологизмах, на мой взгляд, не имеют прямой корреспонденции с образом грифа из патриотических текстов XX в., поэтому вывод о том, что «верность, стойкость, постоянство, преданность, твердость, справедливость – вот “общие” черты грифа на черно-золотом фоне и “типичного” кашуба» [1. С. 108–109] представляется преувеличением, а причины обращения именно к грифону, возможно, следует искать в заимствовании кашубами самого пути создания и использования этноперсонификации (актуализация древнего геральдического символа по образцу соседнего – польского – белого орла).

Непосредственно заимствование орнитоморфного образа из близкой традиции рассмотрел В.В. Котов (статья «Южнославянско-чешский культурный трансфер образа сокола как формы репрезентации нации»). В среде чешских патриотов во 2-й половине XIX в. стал популярен так называемый юнацкий дискурс – восхищение балканскими героями, вплоть до перенимания южнославянских символов, деталей одежды и даже слов (*omladina* – для обозначения «своей» молодежи, призыв *Naprej se* и др.). Образ сокола, заимствованный для наименования гимнастического общества и его членов, – явление того же порядка. По мере того как сокольево в чешских землях становилось все более значительным движением, «сокол стал обозначением своеобразного авангарда чешского национализма в момент перехода на массовую стадию»: чехи «стали “народом соколов”» [1. С. 84].

Эволюция национальных авторепрезентаций – а именно образа России-матушки – реконструируется в статье М.В. Лескинен «Образы России-государства и русской нации в феминных персонификациях второй половины XIX – начала XX веков». Трансформация образа тщательно исследована на материале художественной массовой продукции (журнальных иллюстраций и рисунков, рекламных и политических плакатов, открыток) в период складывания национальной идентичности в Российской империи второй половины XIX в. Помимо российской специфики, отлично показанной автором, хочется отметить общие процессы в русской и европейской обще-

ственной мысли и художественной культуре рассматриваемого периода: вывод М.В. Лескинен о влиянии на эволюцию феминных персонафикаций, помимо «русского стиля», также историзма и форм русского модерна [1. С. 158] можно хотя бы частично распространить и на другие феминные образы как минимум Центральной Европы, возникавшие в неоренессансном стиле и затем в формах того же модерна (ср. славянку Альфонса Мухи конца 1900-х гг., красившую банкноту уже межвоенной Чехословакии; ряд скульптурных и живописных изображений матери-Чехии, Хунгарии, Полонии, американской Колумбии и проч.).

Еще одна персонафикация России – медведь – исследуется О.В. Рябовым на новейшем материале (статья «Медведь как аллегория России в современном российском сувенире»). Автор видит в сувенире один из инструментов «символической политики» [1. С. 284–285] и отмечает усиление значимости образа медведя в политическом дискурсе последнего десятилетия. Соответственно, «медведь, помещенный на сувениры, помогает реализации таких форм символической политики, как политика коллективной идентичности, политика памяти, популярная геополитика, легитимация власти» [1. С. 283]. В статье О.В. Рябова подробно рассмотрен механизм этого процесса. Типологически же – как частный случай «изобретения традиции» – интересно то, что образ «русского медведя» возник в западных культурах и имел строго негативные коннотации, показывавая Россию «в качестве цивилизационно чуждой, отсталой и опасной страны» [1. С. 301]; при этом значительно позже он начал использоваться уже в самой России и был реинтерпретирован, превратившись в национальный символ.

Отдельный блок сборника представляют статьи, посвященные визуальным репрезентациям народов и государств в карикатуре. Рассмотрено и взаимовлияние визуальных стереотипов этнического своего (словенца) и чужого (немца и др.) в период формирования национального самосознания словенцев во второй половине XIX в. и позже, в общем государстве сербов, хорватов и словенцев (работа А.Н. Красовец «Зооморфные и антропоморфные образы словенца/другого в изобразительной карикатуре словенской сатирической периодики (1869–1955)»). В этой статье, как и в исследовании Е.А. Яблокова, посвященном анализу сатирических изображений в

петербургском журнале «Новый Сатирикон» в 1910-е гг., показаны характерные черты зооморфных и антропоморфных (феминных и маскулинных) воплощений народов в карикатурных образах. В статье Е.А. Яблокова представлены их трансформации в ходе военных действий и при стремительной смене политической ситуации в Российской империи периода Первой мировой войны. А. Меймре охарактеризовала разнообразие сатирических образов России в анималистических репрезентациях эстонской прессы межвоенного двадцатилетия (1920–1930-е гг.). Карикатуры ярко показывают национальную специфику системы «референций, архетипических образов и стереотипов» [1. С. 236]: например, важность энтомоморфных авторепрезентаций в словенской культуре [1. С. 225–231] или наличие среди зооморфных образов России и русских в Эстонии 1920-х гг. вшей [1. С. 244–246], причина чего – представление о русских как о не соблюдающих личную гигиену вкуче с эпидемией сыпного тифа в РСФСР в 1919 г.

Концептуально выделяется исследование Н.В. Злыдневой, осветившей зооморфную символику и зоотропную мотивику пара- и метагеральдических изображений в сравнительном ключе. На примере краковских маскаронов 1900–1930-х гг. и государственных символов и геральдических знаков в живописи и скульптуре московского соцарта 1980–1990-х гг. (Л. Соков, Б. Орлов) она показала своеобразие функционирования зооморфного кода в «постгеральдической традиции», когда символические репрезентации «отрицают исходный образец» [1. С. 279].

Исключительно богат привлекаемый авторами труда фактический материал: это литературные источники (поэзия, проза, научно-популярные издания) и визуальные тексты самого различного содержания, техники и направленности (живопись, скульптура, газетно-журнальная графика, фотография), архитектура, современные сувениры. При этом в сборнике соблюдено тематическое единство, отсутствует характерный для многих коллективных работ эклектизм. Несмотря на компактность, коллективное исследование дает четкое представление о масштабности и фундаментальности рассматриваемых проблем: славянский культурный дискурс и в области этнопрезентаций вписывается в общеевропейскую парадигму, своеобразно ее реализуя. Будучи особо важной в период нацистроитель-

ства, проблема визуальных репрезентаций народов и государств актуальна и сегодня. Она возникает, например, в массовой культуре, где могут тиражироваться как имеющиеся символы, так и создаваться новые (этому посвящена, например, упомянутая статья О.В. Рябова).

Разумеется, сборник не исчерпывает всей проблематики антропоморфных и зооморфных символов в славянском мире – но это едва ли можно считать его недостатком. Скорее наоборот: исследование поможет при дальнейшем заполнении лакун и обнаружении типологически или ареально близких явлений, как-то: символическая роль геральдических животных в «высоком» и массовом дискурсе; конкуренция геральдического животного с другими зооморфными символами; заимствование антропо-/зооморфной репрезентации из другой культуры; усиление/ослабление значимости таких репрезентаций в разные исторические эпохи (например, после обретения славянами государственности или в периоды усиления национализма) и многое другое.

Проблематика сборника крайне актуальна, и легко можно наметить пути для ее дальнейшего расширения. Почти не были представлены в сборнике языковые репрезентации, в которых также участвуют антропоморфные и зооморфные образы, ср. довольно известное сочетание *holubičí povaha* ‘голубиный нрав’, имевшее широкое распространение в чешском культурном дискурсе в применении то к самим чехам, то к славянам вообще (упоминание об этой метафоре, впрочем, находим у В.В. Котова). Своего автора дожидается и анализ фигуры Родины-матери, ср. активное использование этого образа в XIX в. по крайней мере в Европе, а уже начиная с 1960-х гг. – его эксплуатацию в СССР прежде всего в увязке с темой Победы, но в некоторых республиках и вне ее, ср. монумент «Мать Грузия» в Тбилиси (1958, 1963 гг., скульптор Э. Амашукели).

Соблюдая каноны жанра рецензии, отмечу, что все статьи сборника написаны хорошим языком и легко читаются; это позволяет надеяться на большой охват читателей, которых может привлечь, и обилие иллюстраций – ими снабжена каждая статья, а всего их около 250. В том числе и на широкую аудиторию, можно полагать, рассчитан «игровой» (и даже *игривый*) заголовок сборника с известной цитатой.

Замечания вызывают лишь некоторые «технические» свойства сборника (вновь отмечу, хорошо скомпонованного, тщательно отредактированного и со вкусом изданного) – например, отсутствие в статьях резюме и информации на английском языке, что, к сожалению, продолжает оставаться частой проблемой отечественных научных изданий. Чрезвычайно полезен был бы также указатель упоминаемых в сборнике визуальных репрезентаций, ведь помимо славянских образов авторы часто обращаются и к «родственным» или типологически подобным неславянским фигурам Михеля, Джона Булля, девы Финляндии, галльского петуха и др.

Остается лишь сожалеть, что в сборнике не затронуто большинство южнославянских репрезентаций, а именно сербские, хорватские и болгарские: их лишь косвенно охватил В.В. Котов в статье о трансфере в чешскую систему зооморфов образа сокола. Стоит уповать, что рецензируемый коллективный труд будет не единственным на эту тему: она остается чрезвычайно перспективной, а комплексно, т.е. на межславянском или ареальном – центральноевропейском и балканском – уровнях, насколько мне известно, не освещалась вовсе.

Список источников

1. Люди, львы, орлы и куропатки... Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе / ред. кол.: М.В. Лескинен, Е.А. Яблоков. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. 308 с.
2. Федосов Е.А. Национальные категории в советском агитационном плакате периода Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 29–34.
3. Lazari A. de, Riabow O., Żakowska M. Europa i Niedźwiedz. Warszawa: Wydawnictwo Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013. 262 s.

References

1. Leskinen, M.V. & Yablokov, E.A. (eds) (2020) *Lyudi, l'vy, orly i kuropatki... Antropomorfnye i zoomorfnye reprezentatsii natsiy i gosudarstv v slavyanskom kul'turnom diskurse* [People, lions, eagles and partridges ... Anthropomorphic and zoomorphic representations of nations and states in Slavic cultural discourse]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS
2. Fedosov, E.A. (2015) National categories in the Soviet propaganda poster during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (36). pp. 29–34. (In Russian).

3. de Lazari, A., Riabow, O. & Żakowska, M. (2013) *Europa i Niedźwiedź*. Warszawa: Wydawnictwo Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia.

Информация об авторе:

Поляков Д.К. – канд. филол. наук, доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: vbnz2005@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.K. Polyakov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: vbnz2005@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 10.11.2022.

The article was accepted for publication 10.11.2022.